

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г. ¹⁾

Глава XXXIII.

Изъ дипломатическаго міра стали доходить къ намъ тревожныя вѣсти: газетныя фанфары еще болѣе усилили темпъ, возвѣщая пораженія генерала Черняева и наступленіе турецкой арміи къ Алексинацу.

Отсюда каждый видѣлъ, что Россія не могла уже оставаться только зрительницей полнѣйшаго разгрома славянъ и, такимъ образомъ, реальное выступленіе нашей политики стояло на очереди дня.

Все это заставило моего дядю собраться въ Константинополь, чтобы взять отъ генерала Игнатьева послѣднія инструкціи на случай объявленія войны. Тетушка и я ради удовольствія и компаніи отправились также въ столицу Абдуль-Гамида. Миѣ очень интересно было увидѣть снова этого принца съ нѣжными глазами въ его новой роли повелителя Ислама.

На утро 18 октября „Юнона“ бросила якорь въ Золотой Рогъ и дала протяжный свистокъ.

Европейская Пера еще дремала, какъ лѣнивая одалиска, въ объятіяхъ Морфея; но турецкій Стамбуль, покинувъ сонныя грезы, уже встрѣчалъ пламенную зорю, а съ балкончиковъ всѣхъ минаретовъ пѣли о томъ, что „нѣтъ другого бога, кромѣ Единого Бога“, и что „Магометъ Его пророкъ“. Унылые, протяжные звуки неслись волнами къ жилищамъ правовѣрныхъ и манили сердца ихъ въ храмы Аллаха.

Надъ Босфоромъ царяла фантазмагорія какая-то: въ голубыхъ испареніяхъ, точно за тюлевой вуалью, скользили по водѣ легіоны баржъ и лодокъ, куная свои бѣлые паруса въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1914 г.

лучахъ краснаго разсвѣта, горѣвшаго на небосклонѣ Азіатскаго материка. Словно чайки носились воздушные каики, цѣпляясь за борта входившихъ на рейдъ пароходовъ. Лиловый туманъ еще дымился по берегамъ; но золотые блики уже играли на холмахъ грандіозной панорамы, раскинувшейся амфитеатромъ въ двухъ частяхъ свѣта, въ Европѣ и Азіи...

Я любовалась этой картиной, и моя фантазія невольно улетала на розовомъ лучѣ въ область сказокъ Шехеразады.

Проснулась также и дѣловая Галата. Весь лабиринтъ ея кривыхъ, тѣсныхъ улицъ былъ наполненъ движеніемъ и звуками: тянулись караваны верблюдовъ; ревели ослы; кричали водоносы и разносчики. Всадники на арабскихъ коняхъ, вереницы хамаловъ, навьюченныхъ сверхъ мѣры мѣшками съ товаромъ; зеленныя чалмы духовенства, малиновыя фески гражданъ Царьграда, бѣлыя повязки софтъ, турчанки, закутанныя въ яшмаки и типы всѣхъ племенъ Востока мелькали передъ глазами. точно живой калейдоскопъ на фонѣ утренней зари.

Между Галатой и Перой колесной ѣзды не существуетъ: ее замѣняетъ проволочная желѣзная дорога, вагоны которой движутся черезъ тоннель снизу вверхъ и обратно не болѣе двухъ минутъ времени.

Туда мы всѣ и направились, чтобы подняться въ европейскій кварталъ. Но по пути отъ берега къ станціи насъ едва не разорвали на мельчайшіе кусочки босфорскіе пираты: швейцары отелей, гиды, коммисіонеры, продавцы всякой дряни и цѣлая армія носильщиковъ багажа. Ихъ штурмующія колонны шли въ атаку, захватывая наши вещи, какъ военную добычу. Десятки рукъ тащили мою безпомощную особу неизвестно куда. Тетушка Магіе отбивалась прямо зонтикомъ отъ насѣдавшихъ легионовъ вражеской силы, а наши спутники грозили имъ даже револьверами. Но въ концѣ концовъ мы отразили непріятеля и благополучно взобрались на вершину Перскаго холма, чтобы устроиться тамъ въ отелѣ. Однако судьба распорядилась иначе нашимъ временемъ и заставила еще долго блуждать по камнямъ, буграмъ и ямамъ Константинопольской мостовой...

Это случилось вотъ при какихъ условіяхъ.

По выходѣ изъ тоннеля достаточно было сдѣлать нѣсколько шаговъ, чтобы отказаться въ тотъ же моментъ отъ всякой мысли двинуться куда-нибудь дальше: бурнымъ потокомъ, точно лава изъ кратера, мчалась навстрѣчу къ намъ сплошная до непроницаемости масса людей, какъ будто живая рѣка, покинувъ старое ложе, опрокинулась водопадомъ въ новое русло. По

инерціи мы были захвачены ея теченіемъ, а при слѣдующемъ поворотѣ изъ одной улицы въ другую отброшены въ сторону. Здѣсь, не теряя секунды, мы кинулись въ открытыя двери какой-то харчевни, гдѣ и остановились, занявъ удобную позицію.

Надъ толпой рѣяли красные флаги съ полумѣсяцемъ и звѣздой, ихъ несли ходжи и софты, эти пламенные воины Магомета; далѣе шли типичные старцы, патріархи Ислама, увѣнчанные тюрбанами изъ драгоценныхъ персидскихъ шалей; улемы въ лиловыхъ и зеленыхъ накидкахъ слѣдовали за ними: они что-то кричали, жестикулируя, точно на'каедрѣ передъ аудиторіей; но въ хаосѣ звуковъ голоса ихъ не доходили по назначенію. Матросы, аскеры и турецкая чернь выплясывали на ходу какой-то необыкновенный танецъ, собственнаго изобрѣтенія; арабы въ пестрыхъ бурнусахъ и красныхъ башмакахъ, съ огненными отъ возбужденія лицами, звенѣли оружіемъ, подбрасывая его вверхъ надъ головами; школьники учебныхъ заведеній съ дудками и барабанами, силуэты турчанокъ въ бѣлоснѣжныхъ яшмакахъ, негры и негритянки, черные эѳіопы—рабы, важные мароканцы, арнауты, зейбеки въ живописныхъ лохмотьяхъ, татары, персы, индусы, горцы въ бараньихъ шапкахъ, персы, лазы, курды—вся эта разноязычная, но единокровная по вѣрѣ толпа, которая обыкновенно наполняетъ стамбульскія улицы и базары своимъ движеніемъ, своими рѣзкими, гортанными криками, вся она была здѣсь, въ Европейскомъ кварталѣ...

Что влекло ее сюда? Кто привелъ ее въ ненавистную Перу, гдѣ каждый вершокъ земли былъ собственностью гяура?..

„Алексиацъ! Алексиацъ!“—ревѣла она, какъ бы отвѣчая на мой вопросъ.

„Алексиацъ! Алексиацъ!“ стонало эхо, перекликаясь съ берегами Царьграда, и весь охваченный восторгомъ синій Босфоръ повторялъ: „Алексиацъ! Алексиацъ!..“

Какъ вдругъ наперерѣзъ бѣжавшей массѣ вылетѣла конная стража и отрѣзала ей путь къ главной улицѣ Перы: словно разсѣченная огненной рукой на части, толпа шарахнулась назадъ, и что произошло затѣмъ, я не могла видѣть, такъ какъ хозяинъ лавочки закрылъ двери.

— А это, конечно, любезность падишаха по адресу генерала Игнатьева,—обращаясь къ дядѣ на мѣстномъ жаргонѣ и не подозрѣвая въ немъ „русскаго“, объяснилъ левантинецъ.

— Въ чемъ собственно она заключается?—спросили его.

— Какъ въ чемъ?— съ умѣшкой повторилъ онъ,— манифестация для того и была организована, чтобы разбудить его

превосходительство пріятной вѣсточкой о дорогихъ и милыхъ ему братьяхъ-славянахъ, которыхъ давно уже пора всѣхъ перерѣзать...

Мы переглянулись; но возражать не пришлось, такъ какъ дверь затрещала подъ ударами въ нее чьихъ-то могучихъ кулаковъ:

— *Согро ді basso!* ¹⁾,—послышался грозный окрикъ,—пусти! Бенедетто! *diavolo!* а то разнесу домъ и крышу сниму! *Diavolo!* отвори сію минуту!

Требованіе его было немедленно исполнено, и въ комнату ураганомъ влетѣлъ здоровый парень, судя по акценту и огромной шляпѣ съ перомъ, уроженецъ Калабріи. Бенедетто представилъ его намъ:

— Анджело, мой землякъ, другъ короля Италіи и падишаха Абдуль-Гамада, а также комиссіонеръ отеля „*dell' Napoli*“, кавалеръ всѣхъ орденовъ и знаменитый теноръ театра „*St. Carlo*“. Онъ можетъ устроить васъ въ нашей гостиницѣ, гдѣ вся прислуга чистокровные неаполитанцы, лучшіе люди въ мірѣ...

„*O, Napoli uno pezzo di cielo caduto in terra!*“ ²⁾,—для большей убѣдительности зацѣлъ Анджело, хотя видъ его менѣе всего давалъ иллюзію „ангела“.

Постучались опять, и вошло нѣсколько человекъ, изъ которыхъ два—мальтійца оказались гидами, а прочіе разныхъ профессій.

— Ну, что тамъ дѣлается, рассказывайте! спрашивалъ Бенедетто, раздергивая жалюзи и распахивая двери, такъ какъ съ улицы перестали доноситься крики манифестантовъ.

— А все-таки жаль, — говорили новоприбывшіе, — что не разрѣшили софтамъ устроить концертъ подъ окнами грознаго „Московъ-султана“—то-то была бы потѣха!..

— Ну, теперь идемъ!—сказалъ дядя, раскланиваясь съ хозяиномъ нашего временнаго убѣжища.

— Господинъ!—остановилъ его знаменитый теноръ Анджело,—вы обѣщали взять меня гидомъ? Какъ же такъ, *согро ді basso!*..

— Ничего подобнаго я не могъ обѣщать вамъ,—строго и внушительно отвѣтилъ ему дядя. Но это не подѣйствовало, и еще долго назойливый калабріецъ слѣдовалъ за нами, предлагая свои услуги.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Чортъ возми! по-итальянски.

²⁾ Неаполь, кусочекъ неба, упавшій на землю — любимая пѣсенка неаполитанцевъ.